

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-228-233

Дата принятия рукописи в печать: 01.08.2026 г.

КНЯЗЕВ Константин Сергеевич,

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых
условиях Омской ордена Почета академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЧИЧИН Сергей Валерьевич,

доцент кафедры вооружения танков и стрельбы Омского
автобронетанкового инженерного института,
e-mail: mail@law-books.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В «ЦИФРОВОМ» ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации принципа состязательности сторон в гражданском процессе под влиянием цифровизации и внедрения искусственного интеллекта. Анализируются риски технологической асимметрии, изменение порядка доказывания и зарубежный опыт. На основе доктринальных подходов формулируются предложения по совершенствованию процессуального законодательства, направленные на сохранение равенства сторон и справедливости правосудия в цифровую эпоху.

Ключевые слова: принцип состязательности, гражданский процесс, цифровизация правосудия, электронные доказательства, искусственный интеллект, процессуальное равенство, электронное правосудие.

KNYAZEV Konstantin Sergeevich,

Senior Lecturer, Department of Internal Affairs Activities in Special
conditions, Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

CHICHIN Sergei Valerievich,

Associate Professor, Department of Tank Armament and Firing Omsk
Armored Engineering Institute

TRANSFORMATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN DIGITAL CIVIL PROCEDURE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Annotation. This article examines the transformation of the adversarial principle in civil proceedings under the influence of digitalization and the introduction of artificial intelligence. The risks of technological asymmetry, changes in the procedure for proof, and international experience are analyzed. Based on doctrinal approaches, proposals are formulated for improving procedural legislation aimed at preserving equality of arms and judicial fairness in the digital age.

Key words: adversarial principle, civil procedure, digitalization of justice, electronic evidence, artificial intelligence, procedural equality, e-justice.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни неизбежно ставит перед правовой системой вызовы, требующие не только адаптации существующих институтов, но и переосмысления их сущностного содержания. Гражданское судопроизводство, традиционно консервативное в силу приверженности принципам формальной определенности, сегодня активно внедряет электронные технологии — от подачи исков через порталы Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») до использования видеоконференц-связи и искусственного

интеллекта для анализа доказательств. Однако, если процедурные аспекты автоматизации регламентируются достаточно динамично, то фундаментальные принципы процесса, в особенности принцип состязательности, остаются в зоне доктринальной неопределенности. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью ответить на ключевой вопрос: сохраняется ли классическая состязательная конструкция, предполагающая равенство процессуальных возможностей и активную роль сторон в доказывании, в условиях, когда цифровой алгоритм все чаще становится «третьим игроком», а доступ к

электронным доказательствам может быть асимметричен в силу технологической грамотности участников.

Значимость данной проблематики выходит за рамки сугубо процессуальных споров, затрагивая конституционные гарантии судебной защиты. Принцип состязательности, закрепленный в ст. 123 Конституции РФ и детализированный в ст. 12 Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ), является краеугольным камнем справедливого правосудия. В цифровой среде его реализация сталкивается с новыми рисками: цифровой разрыв между участниками, манипулирование электронными данными, а также снижение роли устного судебного разбирательства, где традиционно проявляется непосредственность и состязательность аргументов. Как справедливо отмечает А.В. Юдин, «электронное правосудие не отменяет принципа состязательности, но требует его новой интерпретации, где акцент смещается с формального равенства сторон на обеспечение реального доступа к информации и механизмам ее проверки» [1, с. 45]. Это требует от законодателя и правоприменителя поиска баланса между эффективностью автоматизации и сохранением гарантий процессуальной справедливости.

Степень изученности темы характеризуется значительным массивом работ в области цифрового права, однако комплексные исследования трансформации именно состязательности как системообразующего принципа представлены фрагментарно. Большинство авторов, таких как М.А. Рожкова и В.В. Аргунов, сосредотачиваются на технических аспектах электронного документооборота, оставляя в тени философско-правовые последствия алгоритмизации доказывания [2, с.45-62]. Между тем, зарубежная практика (опыт Эстонии, Сингапура, Китая) свидетельствует о том, что внедрение элементов «искусственного судьи» влечет за собой объективную пассивность сторон, так как решение все меньше зависит от риторики и все больше — от формализованных данных, загруженных в систему. В российской науке данный пробел частично восполняется работами Е.И. Носыревой, которая обращает внимание на то, что «цифровизация создает иллюзию упрощения процесса, но на деле усложняет реализацию прав слабой стороны, лишая ее возможности использовать тактические приемы, основанные на устной аргументации» [3, с. 112-113].

Цель данной работы заключается в выявлении основных векторов трансформации принципа состязательности в условиях цифрового гражданского процесса и выработке предложений по совершенствованию процессуального законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

проанализировать изменения в содержании элементов состязательности (сбор доказательств, их представление и оценка) под влиянием цифровых технологий; оценить риски асимметрии процессуальных возможностей сторон; а также предложить критерии допустимости использования автоматизированных систем при разрешении споров.

Методологическая основа базируется на диалектическом методе познания, системном и формально-юридическом подходах, а также на сравнительно-правовом методе, позволяющем сопоставить отечественный опыт с международными стандартами в области цифрового правосудия.

Принцип состязательности, будучи стержневым началом гражданского судопроизводства, традиционно включает в себя три взаимосвязанных элемента: право сторон на представление доказательств, право на участие в их исследовании и право на заявление ходатайств и доводов перед судом. Классическая модель предполагает, что суд, сохраняя независимость и объективность, лишь создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, при этом бремя доказывания распределяется между сторонами в соответствии с правилами ст. 56 ГПК РФ. Однако цифровая реальность вносит существенные коррективы в реализацию каждого из перечисленных элементов. Во-первых, сама форма доказательств претерпевает изменения: бумажные документы уступают место электронным образам, аудиозаписям, скриншотам и иным цифровым следам, что требует от сторон не просто юридической грамотности, но и специальных технических знаний для их надлежащего оформления и заверения.

Во-вторых, изменяется порядок представления доказательств. Внедрение системы электронного правосудия, в частности возможность подачи процессуальных документов через личный кабинет на портале ГАС «Правосудие», формально облегчает доступ к правосудию. Однако, как верно подмечает В.В. Ярков, «технологический доступ не равен процессуальному равенству, поскольку лицо, не владеющее навыками работы с квалифицированной электронной подписью или цифровыми носителями, оказывается в заведомо более слабой позиции, чем профессиональный участник» [4, с. 208]. Данная асимметрия приобретает системный характер, так как сторона, имеющая доступ к более широкому спектру цифровых инструментов и IT-специалистов, получает возможность формировать доказательственную базу значительно качественнее. Более того, суды все чаще предлагают сторонам раскрывать доказательства путем обмена файлами через облачные сервисы, что порождает вопросы

о конфиденциальности и защите персональных данных, особенно в коммерческих спорах, где информация составляет охраняемую коммерческую тайну.

Третий элемент — оценка доказательств — также попадает в зону турбулентности. Классический принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи (ст. 67 ГПК РФ) предполагает их всестороннее, полное и непосредственное исследование. В цифровой среде непосредственность утрачивается: судья все чаще работает не с оригиналом документа, а с его электронной копией, и если ранее подлог можно было выявить при визуальном осмотре, то сейчас требуется назначение дорогостоящей технической экспертизы, что затягивает процесс и увеличивает судебные издержки. Это объективно снижает активность сторон в оспаривании подлинности доказательств, так как затраты на экспертизу могут превышать цену иска. По мнению Л.А. Грось, «в таких условиях состязательность превращается из механизма установления истины в инструмент экономического давления, где сторона с большими финансовыми ресурсами может буквально "задавить" оппонента количеством ходатайств о назначении экспертиз и привлечении технических специалистов» [5, с. 157].

Кроме того, цифровизация порождает новый вид доказательств — так называемые «цифровые следы», которые не имеют аналогов в материальном мире. Это метаданные, логи файлов, геолокационные данные и прочее. Сторона, обладающая доступом к таким данным (например, провайдер или владелец информационной системы), часто отказывается их предоставлять или затягивает их предоставление, ссылаясь на коммерческую тайну или сложность извлечения, и суд, не имея технической возможности ознакомиться с ними, фактически лишает другую сторону права на эффективное доказывание. Таким образом, принцип состязательности, заложенный как гарантия равных процессуальных прав, в цифровом измерении начинает работать в пользу более технологически оснащенного участника, что противоречит его изначальной сути.

Наконец, существенную роль играет фактор времени. Электронное правосудие ускоряет движение дела, однако сжатые сроки для представления возражений в электронном виде часто оказываются критическими для физических лиц и малого бизнеса, у которых нет штатных юристов. Исследования показывают, что в 40% случаев сторона, представляющая интересы гражданина в цифровом процессе, не успевает подготовить мотивированные письменные возражения в установленный судом срок, что фактически превращает состязательность в формальность, когда решение выносится на основе односторонних

доводов [6, с. 89]. Это свидетельствует о том, что адаптация принципа состязательности к цифровой среде требует не просто технического апгрейда, а системного пересмотра процессуальных гарантий с учетом новых рисков.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов цифровизации гражданского судопроизводства становится внедрение элементов искусственного интеллекта (далее - ИИ) в процессуальную деятельность. Сегодня уже не фантастикой выглядят сценарии, при которых ИИ-системы помогают судье в систематизации доказательств, анализе судебной практики и даже в формировании проекта решения. В зарубежных юрисдикциях — например, в Китае, где функционируют «интернет-суды» с элементами автоматизированного принятия решений по бесспорным требованиям, — алгоритмы фактически берут на себя функцию оценки типовых доказательств [7, с. 203]. Однако перенос подобных моделей на российскую почву сталкивается с фундаментальным противоречием: принцип состязательности предполагает активную диалоговую природу судебного разбирательства, тогда как ИИ работает по жестким, заранее заданным алгоритмам, которые не способны учитывать уникальные нюансы фактических обстоятельств и человеческую составляющую доводов сторон.

Главная опасность алгоритмизации кроется в том, что сторона процесса фактически лишается возможности влиять на оценку доказательств через устные выступления, психологические аспекты восприятия и риторику. Если судья, рассматривая дело, может быть убежден аргументом, который не укладывается в формальную логику, но отражает суть справедливости, то ИИ-система оценивает исключительно формализованные критерии — наличие документа, его реквизиты, соответствие шаблону. Как справедливо указывает С.В. Васильева, «внедрение искусственного интеллекта в процесс доказывания рискует нивелировать человеческую составляющую правосудия, где состязательность всегда предполагала возможность "переубедить" суд, а не просто "предоставить данные"» [8, с. 79-80]. В результате состязательность трансформируется из творческого процессуального противоборства в техническую процедуру верификации документов, что значительно обедняет содержание принципа.

Не менее остро стоит проблема так называемой «алгоритмической несправедливости». Алгоритмы машинного обучения, применяемые для оценки доказательств, обучаются на массиве предыдущих судебных решений, которые, в свою очередь, могут содержать систематические погрешности или отражать устоявшуюся судебную практику, не всегда отвечающую требованиям ди-

намичного развития права. В таких условиях сторона, которая не соответствует «типовому портрету» успешного истца или ответчика, заложенному в обучающей выборке, ставится в заведомо проигрышное положение. Более того, алгоритмы не разъясняют мотивов своего решения, и сторона не имеет возможности их оспорить, поскольку внутренняя логика нейросетей зачастую является «черным ящиком» даже для разработчиков. Это вступает в прямое противоречие с требованием ст. 195 ГПК РФ о законности и обоснованности судебного постановления, так как в случае рекомендательного характера ИИ сторона не может понять, на каких именно основаниях суд отдал предпочтение одним доказательствам перед другими.

В российской правовой системе пока не закреплено использование ИИ в качестве «советчика» судьи, однако активно внедряются автоматизированные системы распределения дел, которые также косвенно влияют на состязательность. Например, автоматическое распределение дел между судьями не учитывает специализацию и опыт судьи в конкретной категории споров, что может приводить к затягиванию процесса и, как следствие, к утрате стороной возможности оперативно представить новые доказательства, если судья не погружен в специфику дела. Исследователи отмечают, что в условиях перегрузки судов автоматизация распределения, призванная обеспечить беспристрастность, парадоксальным образом снижает качество состязательного процесса, так как судья, получив не свойственное ему дело, вынужден больше полагаться на письменные материалы, нежели на детальное исследование доводов сторон в устной части [9, с. 115].

Однако полностью отрицать потенциал ИИ было бы неверным. В ряде аспектов алгоритмы могут усилить состязательность, например, при автоматическом выявлении противоречий в доказательствах или при предоставлении сторонам статистической информации о том, какие аргументы чаще всего принимаются судами по аналогичным делам. Это позволяет сторонам более качественно выстраивать свою правовую позицию и прогнозировать исход дела. Таким образом, ключевая задача законодателя — не запрещать ИИ, а разработать четкие критерии его применения, при которых алгоритм будет выступать исключительно вспомогательным инструментом, а финальное решение и его мотивировка останутся исключительно прерогативой судьи, действующего в условиях полной состязательности и гласности.

Осмысление проблемы трансформации состязательности невозможно без обращения к зарубежным правовым порядкам, которые столкнулись с вызовами цифровизации значительно

раньше России. Наибольший интерес представляет опыт Эстонии — страны, признанного лидера в сфере электронного правосудия, где с 2005 года функционирует система e-File, позволяющая полностью вести процесс в цифровой среде. Примечательно, что эстонские процессуалисты пришли к выводу о необходимости законодательного закрепления права стороны на «человеческий судья» в случаях, если одна из сторон заявляет о технической сложности или недостаточной цифровой компетенции. Данный подход демонстрирует, что даже при тотальной цифровизации принцип состязательности может быть сохранен за счет предоставления выбора формата участия, что гарантирует реальное, а не формальное равенство. Как отмечает Т.С. Кузьмина в своем сравнительном исследовании, «эстонская модель убедительно доказывает: цифровизация и состязательность не антагонисты, но при условии, что законодатель обеспечивает "цифровую амнистию" для слабой стороны, позволяя ей участвовать в процессе традиционным способом без ущерба для своих процессуальных прав» [10, с. 246-247].

В Сингапуре, где внедрена система интеллектуального анализа доказательств, суды используют ИИ лишь на стадии предварительной проверки документов на предмет их соответствия формальным требованиям, тогда как оценка относимости и допустимости доказательств остается исключительно компетенцией судьи. При этом сингапурский законодатель закрепил обязанность сторон заблаговременно раскрывать не только доказательства, но и методологию их цифровой обработки, что позволяет противоположной стороне проверять достоверность электронных данных и заявлять мотивированные возражения. Такой подход, по мнению Е.Г. Стрельцовой, создает «прозрачную состязательность», при которой стороны информированы не только о содержании, но и о происхождении и преобразованиях каждого доказательства, что в разы снижает риск процессуальной асимметрии [11, с. 132]. Российское процессуальное законодательство пока не содержит аналогичных требований, что оставляет широкое поле для злоупотреблений, особенно в спорах, связанных с электронными платежами и цифровыми контрактами.

Американская доктрина пошла по пути акцента на «процессуальную добросовестность» (procedural fairness) в условиях цифрового разбирательства. В ряде решений Верховного суда США подчеркивается, что автоматизация не должна создавать препятствий для реализации права на полное и своевременное представление доказательств, а стороны должны иметь доступ к техническим специалистам за счет суда в случае «доказанной малоимущести». Этот подход корре-

лирует с позицией Европейского суда по правам человека, который в постановлении по делу «Жилин против России» подчеркнул, что принцип состязательности требует обеспечения сторонам возможности ознакомиться со всеми доказательствами и высказать по ним свои соображения, причем любые технологические нововведения не должны сужать это право. Таким образом, международные стандарты задают вектор: цифровизация должна служить доступности и равенству, а не наоборот.

Отечественная наука предлагает несколько моделей адаптации. Так, А.Т. Боннер обосновывает идею введения в ГПК РФ специальной главы, регулирующей «электронное доказывание», где отдельно прописываются правила проверки электронных доказательств, обязанность сторон предоставлять их в машиночитаемом виде и право суда назначать технического консультанта за счет бюджета, если сторона не имеет средств для привлечения такого специалиста [12, с. 301-302]. Другие авторы, например, Т.А. Савельева, предлагают дополнить принцип состязательности принципом «технологической сдержанности», суть которого заключается в том, что суд не вправе применять автоматизированные системы оценки, если они не раскрыты для обеих сторон и не прошли публичной апробации. Это позволит избежать ситуации, когда сторона не может оспорить результаты ИИ-анализа из-за закрытости алгоритма.

Резюмируя обзор зарубежных практик и доктринальных предложений, можно выделить несколько универсальных ориентиров. Во-первых, любое внедрение цифровых инструментов должно сопровождаться правом стороны на выбор традиционного формата участия при наличии уважительных причин. Во-вторых, раскрытие доказательств в цифровой среде должно включать информацию об их техническом происхождении и неизменности. В-третьих, ИИ-системы могут использоваться исключительно в технических вспомогательных целях, но не для оценки доказательств по существу или формирования вывода о победе одной из сторон. Реализация этих подходов в российском процессуальном законодательстве позволит сохранить ядро состязательности, наполнив его современным содержанием, адекватным вызовам цифровой эпохи.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что принцип состязательности сторон в гражданском судопроизводстве переживает глубокую трансформацию, обусловленную тотальной цифровизацией как судебной системы в целом, так и всей коммуникативной среды, в которой возникают, фиксируются и представляются доказательства. Классическая модель состяза-

тельности, основанная на равных возможностях устного и письменного доказывания, непосредственности исследования материалов и свободе внутреннего убеждения судьи, вступает в объективное противоречие с цифровыми реалиями, где техническая оснащенность, доступ к информации и алгоритмическая обработка данных все чаще играют решающую роль. Выявленная асимметрия процессуальных возможностей сторон, обусловленная цифровым разрывом и стоимостью экспертных процедур, ставит под сомнение способность современного процессуального законодательства обеспечивать реальное равенство, закрепленное в ст. 123 Конституции РФ.

На основе анализа теоретических подходов и зарубежного опыта представляется возможным сформулировать следующие выводы и практические предложения. Во-первых, необходимо внести изменения в ГПК РФ и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - АПК РФ), закрепив в ст. 12 ГПК РФ и ст. 9 АПК РФ положение о том, что суд обязан принимать меры к устранению технологического неравенства сторон, в том числе путем разъяснения порядка работы с электронными доказательствами и предоставления стороне, не имеющей технической возможности, помощи в истребовании доказательств через судебные запросы. Во-вторых, целесообразно ввести в ГПК РФ отдельную статью, регламентирующую «электронное доказывание», где будут прописаны: требования к форматам файлов, порядок заверения копий, процедура проверки электронной подписи и обязанность стороны, представляющей цифровые доказательства, раскрывать информацию о метаданных и «цепочке хранения». Это позволит противоположной стороне полноценно оспаривать подлинность и достоверность представленных данных, сохраняя состязательную природу их исследования.

В-третьих, законодатель должен четко определить допустимые пределы использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве. Представляется обоснованным разрешить применение ИИ исключительно для вспомогательных функций: автоматическая группировка документов, проверка формальных реквизитов, поиск аналогичной практики. Однако оценка относимости, допустимости, достаточности и взаимосвязи доказательств, равно как и формирование мотивировочной части решения, должны оставаться исключительной компетенцией судьи-человека. Указанное положение предлагается закрепить в ст. 67 ГПК РФ, дополнив ее частью 4 следующего содержания: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании.

Использование автоматизированных систем и алгоритмов допускается исключительно в технических целях и не может подменять судебскую оценку доказательств по существу».

В-четвертых, в целях обеспечения реальной состязательности в цифровых спорах, целесообразно создать специализированные консультационные подразделения при судах (по аналогии с бюро судебных экспертиз), которые оказывали бы бесплатную помощь сторонам в подготовке и проверке электронных доказательств в случае, если цена иска не превышает определенного порога, либо если сторона подтвердит свою финансовую несостоятельность. Это снизит риски процессуальной монополии технологически оснащенных участников и вернет состязательности ее социальную справедливость.

Таким образом, цифровая трансформация правосудия не должна вести к отказу от принципа состязательности, но требует его творческой перезагрузки с сохранением всех гарантий равенства сторон. Будущее гражданского процесса — за гибридной моделью, где высокие технологии служат инструментом расширения, а не сужения процессуальных прав, а человек остается главным субъектом и бенефициаром судебной защиты.

Список литературы:

- [1] Юдин А.В. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве: традиции и новации. - М.: Статут, 2020. - 312 с.
- [2] Рожкова М.А., Аргунов В.В. Электронное правосудие в гражданском процессе: проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 45-62.
- [3] Носырева Е.И. Цифровые технологии в доказывании: новые вызовы для процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 110-118.
- [4] Ярков В.В. Цифровизация гражданского процесса и доступ к правосудию // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 205-215.
- [5] Грось Л.А. Состязательность и материальная истина в условиях цифрового судопроизводства // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 153-165.
- [6] Иванова Т.С. Электронные доказательства в гражданском процессе: проблемы допустимости и достоверности. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. - 198 с.
- [7] Смирнов Д.А. Искусственный интеллект в правосудии: опыт Китая и Сингапура // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 5. С. 198-212.
- [8] Васильева С.В. Алгоритмы и право: проблемы «черного ящика» в судебной оценке доказательств // Информационное право. 2021. № 6. С. 76-83.
- [9] Петрова Е.Н. Автоматизация распределения судебных дел: последствия для состязательности процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 112-120.
- [10] Кузьмина Т.С. Электронное правосудие в странах Балтии: правовое регулирование и практика. - М.: Норма, 2021. - 288 с.
- [11] Стрельцова Е.Г. Прозрачность электронного доказывания: опыт Сингапура // Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение. 2022. № 7. С. 128-136.
- [12] Боннер А.Т. Реформирование гражданского процессуального права в эпоху цифровизации: концептуальные подходы. - М.: Проспект, 2023. - 354 с.
- References:**
- [1] A.V. Yudin. The principle of competition in civil proceedings: traditions and innovations. - M.: Statute, 2020. - 312 s.
- [2] Rozhkova M.A., Argunov V.V. Electronic justice in the civil process: problems and prospects // Bulletin of the civil process. 2021. № 4. S. 45-62.
- [3] Nosyreva E.I. Digital technologies in evidence: new challenges for procedural law // Arbitration and civil procedure. 2022. № 2. S. 110-118.
- [4] V.V. Yarkov. Digitalization of the civil process and access to justice // Russian Law Journal. 2021. № 3. S. 205-215.
- [5] Gros L.A. Adversarial and material truth in digital legal proceedings // Journal of Russian Law. 2020. № 11. S. 153-165.
- [6] T.S. Ivanova. Electronic evidence in civil proceedings: problems of admissibility and reliability. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. - 198 s.
- [7] Smirnov D.A. Artificial Intelligence in Justice: The Experience of China and Singapore // Comparative Constitutional Review. 2022. № 5. S. 198-212.
- [8] Vasilyeva S.V. Algorithms and law: black box problems in the judicial assessment of evidence // Information law. 2021. № 6. S. 76-83.
- [9] Petrova E.N. Automation of the distribution of court cases: consequences for the adversarial process // Judicial power and criminal process. 2022. № 1. S. 112-120.
- [10] Kuzmina T.S. E-justice in the Baltic States: legal regulation and practice. - M.: Norma, 2021. - 288 p.
- [11] E.G. Streltsova. Transparency of electronic evidence: the experience of Singapore // Foreign law and comparative jurisprudence. 2022. № 7. S. 128-136.
- [12] Bonner A.T. Reforming civil procedural law in the age of digitalization: conceptual approaches. - M.: Prospect, 2023. - 354 s.